

Информация для цитирования:

Ерохина О. В. Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы) / О. В. Ерохина // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 5. — С. 390—408. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408.

Erokhina, O. V. (2024). Status of Germans in Russian Empire during First World War (1914-1917). *Nauchnyi dialog*, 13 (5): 390-408. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

**Положение немцев
в Российской империи
в период Первой мировой
войны (1914—1917 годы)**

Ерохина Ольга Викторовна ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5158-7110

Scopus Author ID: 57210936427

доктор исторических наук, доцент,

¹ профессор кафедры
история России;

² главный научный сотрудник
erohina1@mail.ru

¹ Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

² Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда и

Санкт-Петербургского научного фонда

№ 23-18-20025,

<https://rscf.ru/project/23-18-20025>

**Status of Germans
in Russian Empire
during First World
War (1914-1917)**

Olga V. Erokhina ^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5158-7110

Scopus Author ID: 57210936427

Doctor of History, Associate Professor,

¹ Professor of the Department
of Russian History;

² chief research scientist
erohina1@mail.ru

¹ Moscow Pedagogical
State University
(Moscow, Russia)

² Pushkin Leningrad State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
and the Saint Petersburg Science
Foundation Grant,
project number 23-18-20025,
<https://rscf.ru/project/23-18-20025>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена характеристике повседневной жизни, настроений и положения немцев, которые в 1914—1917 годах проживали на территории российского государства. Для этого автором были проанализированы письма, написанные представителями разных социальных групп, национальностей и возрастов в этот период, а также привлечены материалы периодической печати. Особое внимание уделяется таким значимым для немецкого населения событиям, как изменение названий населенных пунктов с немецких на русские, разработка и применение в отношении их «ликвидационного законодательства» в 1914—1915 годах, взаимоотношения в армии между немецкими и русскими военнослужащими. На основе изученных материалов делается вывод, что немцы неоднозначно воспринимали происходившие в стране социально-политические события. Одни стремились слиться с толпой и не выпячивать свою национальную принадлежность, другие пытались привлечь внимание депутатов Государственной Думы к своим проблемам. Они не понимали, как могут доказать свою лояльность властям и почему их приписали к «внутренним врагам», хотя они являлись российскими подданными. Наибольшую неудовлетворенность выражали солдаты, которые воевали не хуже русских, получая заслуженные военные награды, но вынуждены были терпеть унижения со стороны начальства и сослуживцев.

Ключевые слова:

перлострация; военная цензура; Первая мировая война; Петроград; военная переписка; российские немцы; немецкие колонисты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on characterizing the everyday life, moods, and situation of Germans residing in the territory of the Russian state from 1914 to 1917. The author analyzed letters written by representatives of different social groups, nationalities, and ages during this period, as well as materials from periodical publications. Special attention is given to significant events for the German population, such as the renaming of settlements from German to Russian names, the development and application of “liquidation legislation” towards them in 1914-1915, and the interactions in the army between German and Russian military personnel. Based on the materials studied, it is concluded that Germans had mixed perceptions of the socio-political events in the country. Some sought to blend in with the crowd and not emphasize their national identity, while others tried to draw the attention of State Duma deputies to their issues. They did not understand how to prove their loyalty to the authorities and why they were labeled as “internal enemies”; despite being Russian subjects. The most dissatisfaction was expressed by soldiers who fought as well as Russians, received deserved military awards, but were subjected to humiliations by their superiors.

Key words:

secret viewing of personal correspondence; military censorship; World War I; Petrograd; military correspondence; Russian Germans; German colonists.

УДК 94(47):325.54(=112.2)“1914/1917”

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-5-390-408

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история
5.6.2. Всеобщая история

Положение немцев в Российской империи в период Первой мировой войны (1914—1917 годы)

© Ерохина О. В., 2024

1. Введение = Introduction

До начала XXI века письма были самым распространенным способом общения между людьми и в отличие от других эго-документов в них фиксировалась и передавалась информация непосредственно в период происходившего события. Лишенные возможности видеться в силу разных жизненных обстоятельств, люди через переписку обменивались новостями и эмоциональными переживаниями, что способствовало их социальному взаимодействию и сближению. Особенно востребованными письма становились в годы войны, когда, находясь под психологическим прессингом, люди обращались к воспоминаниям довоенной жизни, хотели узнать о судьбе родственников или друзей, а также давали оценку происходившим событиям. Поэтому «богаче материала, чем в письмах, в данном случае ничего не может быть. Вся жизнь с ее мельчайшими подробностями проходит и отражается в письмах как на экране кинематографа» [Асташов, 2014, с. 120].

Именно переписка между частными лицами носит, по нашему мнению, наиболее информативный характер и позволяет в полной мере раскрыть положение российских немцев в период Первой мировой войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

С середины 90-х годов XX века проблема положения немецкого населения в годы Первой мировой войны в Российской империи начинает привлекать внимание исследователей. Наиболее плодотворно ею занимались в рамках конференций, проводимых Международной ассоциацией исследователей истории и культуры российских немцев с 1994 года.

О проведении антинемецкой кампании в разных регионах страны писали Т. Н. Плохотнюк [Плохотнюк, 1999], А. Воронежцев [Воронечцев, 2002], И. К. Агасиев [Агасиев, 2005] и др. Ход и результаты депортационных мероприятий царизма освещены в работах С. Г. Нелиповича [Нелипович, 1994; Нелипович, 1997].

Состоянию антинемецких настроений в российском обществе и отношению российских немцев к происходящему были посвящены диссертационные исследования Н. В. Савиновой [Савинова, 2008], Н. В. Морозовой [Морозова, 2010], А. Н. Шубиной [Шубина, 2012].

Хотелось бы отметить, что, несмотря на относительную степень изученности различных сфер общественной жизни немецкого этноса указанного периода, исследователи практически не обращают внимания на реакцию самих российских немцев на действия властей и антинемецкие настроения общества накануне и в период Первой мировой войны.

Источниковой базой исследования послужили опубликованные и неопубликованные материалы. К первым мы относим письма Ф. О. Краузе к своей невесте, а потом и жене А. И. Доброхотовой, написанные в 1914—1917 годах [Краузе, 2017], и периодическую печать. Кроме того, нами были использованы письма и выписки из писем, сделанные цензорами или перлюстраторами, найденные в центральных и региональных архивах (ГАРФ, РГИА, РГВИА, ЦГИА СПб, ЦГАСО), которые позволили установить отношение немцев к основным мероприятиям антинемецкой кампании. Примечательно то, что писавшие их люди были откровенны в своих суждениях, и это дало нам возможность выделить несколько тем для рассмотрения в нашей статье: переименование Санкт-Петербурга в Петроград, изменение фамилий с немецких на русские, «ликвидационное законодательство», депортационная политика, положение солдата-немца на фронте.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Перлюстрация и цензура накануне войны 1914 года

Письма могли быть открытыми или закрытыми. Именно содержание последних больше всего интересовало представителей власти. Поэтому для получения сведений они «должны быть распечатываемы со всею осторожностью и по прочтении вновь тщательно запечатываемы, дабы адресат не мог впасть в сомнение» [Чехов, 1975, с. 124].

А. П. Чехов в своем произведении как раз и раскрыл способ получения этой информации властями: перлюстрацию и военную цензуру. Перлюстрация — тайное чтение писем правительством, согладатайство в почтовой переписке [Даль, 1865, ч. 3, с. 91]. На государственном уровне ее существование отрицалось, а работа чиновников регулировалась секретными инструкциями.

Исследователи отмечают, что впервые она была применена в период правления Екатерины II для просмотра почты иностранных дипломатов и государственных деятелей, а новый импульс в своем развитии получила в связи с необходимостью контроля переписки польских ссыльнопоселенцев в 1860-е годы [Чукарев, 2005; Измозик, 2015; Шайдуров и др., 2022].

Для вскрытия писем создавались «черные кабинеты» в Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве, Одессе, Харькове, Казани, Киеве и Тифлисе «под вывеской цензуры иностранных газет и журналов» [Измозик, 2015, с. 345]. Первоначально они подчинялись почтовым ведомствам, а потом их перевели в подчинение Министерства внутренних дел. Общее руководство перлюстрационной работой осуществлял старший цензор Петербургского почтамта, и он же исправлял должность помощника начальника Главного управления почт и телеграфов.

Старший цензор Петербургского почтамта М. Г. Мардарьев в одном из докладов писал, что чиновников для работы в «черных кабинетах» отбирали не только по политической благонадежности, но и по знанию «хотя бы трех европейских языков» [ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 1001, л. 93]. Были и такие, кто знал от 8 до 15 языков [Заварзин, 1924; Майский, 1922]. При этом, как отмечает исследователь В. С. Измозик, больше половины из них имели только среднее или незаконченное среднее образование ($\approx 57\%$) [Измозик, 2015, с. 210].

В начале XX века в Санкт-Петербурге просматривалось около 2—3 тыс. писем ежедневно, в то время как в других «черных кабинетах» вскрывалось от 100 до 500 писем [Перегудова, 2000, с. 278]. Однако до 1914 года объем почтовых отправок постоянно увеличивался.

Военно-цензурный комитет был создан в Российской империи в 1836 году и просуществовал до 1858 года. На смену ему пришли военно-цензурные учреждения, которые работали только во время военных событий (русско-турецкой войны 1877—1878 годов и русско-японской войны 1904—1905 годов). В 1905 году их деятельность приостановили, и о необходимости использования военной цензуры заговорят только накануне Первой мировой войны [Белобородова, 2010, с. 16].

Военная цензура — одна из форм контроля (надзора) со стороны военных и других государственных органов открытых видов информации, а иногда и частной переписки с целью не допустить опубликования и оглашения в них сведений, составляющих тайну военную и государственную [Козлов, 1980, с. 407]. 20 июля 1914 года было принято «Временное положение о военной цензуре», которым руководствовались цензоры при просмотре солдатских и офицерских писем [Временное положение ..., 1914]. Главная задача, стоявшая перед ними, — проверять, чтобы в письмах не было написано «то, что может вызвать беспокойство на местах, тревогу или панику, о каких-либо общественных бедствиях, вздорных слухах, отрицательных явлениях в общественной жизни, а также о различных сетованиях против войны» [Там же].

На основании ст. 6 и 7 Положения цензура делилась на полную и частичную. Если полная применялась для театра военных действий, то ча-

стичная заключалась в «просмотре и выемке международных почтовых отправлений и телеграмм, а также ... в отдельных случаях ... внутренних почтовых отправлений и телеграмм» [Там же, с. 2]. Однако просмотр почты должен был производиться только в помещениях почтово-телеграфного ведомства (ст. 50).

Несмотря на то, что их численность постоянно увеличивалась, но в полной мере справиться с возрастающим объемом писем им не удавалось. Например, в начале 1915 года в Петроградской губернии военная цензура была введена в 18 населенных пунктах [Белькова, 2016, с. 136]. В течение войны цензоры по армиям и военным округам проверили всего 2—3 % писем [Асташов, 2014, с. 119]. Барон А. П. Будберг писал: «Несмотря на неоднократные напоминания военным цензорам на более строгое применение военной цензуры, все же повторяются случаи, указывающие, что цензура почтовых отправлений не всюду применяется в полной мере» [РГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 925, л. 4].

Если в годы Первой мировой войны письма в тыл и на фронт подвергались просмотру со стороны военной цензуры, то переписка частных лиц и представителей российской элиты внутри страны по-прежнему перлюстрировалась почтово-телеграфными служащими. Например, о настроениях российского общества в военные годы мы можем судить из аналитического отчета о перлюстрации за 1915 год [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1042].

Авторы писем были представителями разных слоев населения, верований и национальностей, отличавшимися еще и по уровню грамотности. В этом плане показателен анализ данных «Военно-статистического ежегодника армии за 1912 год». Из него следует, что по вероисповеданию доминировали православные, составлявшие 70 %, затем магометане — 10,83 %, католики — 8,9 %, протестанты — 4,85 %, иудеи — 4,05 %, армяно-грегориане — 0,96 %. По национальному составу преобладали русские — 66 %, потом шли турецко-татарские племена — 10,6 %, поляки — 5,8 %, финны — 4,5 %, евреи — 3,9 %. Грамотность солдат в империи в целом была довольно низкой: «...из 1000 душ населения грамотных лишь 211, или 21 %» [Военно-статистический ежегодник ..., 1914, с. 473—519].

3.2. Антигерманская кампания в России

Объявление о начале войны привело российское общество в состояние эмоционального потрясения. По мере того, как развивались события на фронте и нагнеталась обстановка в тылу, власти сконцентрировали свое внимание на поиске «виновных» внутри страны.

Военное министерство прилагало немало усилий, чтобы держать этот вопрос под контролем. В конце 1914 года издаются постановления, запрещающие на немецком языке разговаривать, иметь вывески, печатать газе-

ты и книги, затем вводится запрет на прием и пересылку почтовых отправок на немецком языке [РГИА, ф. 821, оп. 133, д. 1062, л. 20, 94—97; ф. 1276, оп. 11, д. 736, л. 3; РГВИА, ф. 2005, оп. 1, д. 28, л. 3].

Первым мероприятием, по нашему мнению, открывшим борьбу с «немецким засильем», было издание Николаем II указа о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград [Об именовании ..., 1914, ст. 2284]. В газетах по этому поводу публиковались восторженные статьи и стихотворения [Е. К., 1914, с. 3; Столица Петроград ..., 1914, с. 2; Копыткин, 1914, с. 1]. Однако не все придерживались такого мнения. Ю. П. Анненков, русский живописец и график, отмечал: «Я помню... каким нелепым показалось мне переименование Санкт-Петербурга в “Петроград”» [Пархоменко, 2015, с. 2].

Представители немецкой интеллигенции тоже не остались в стороне от обсуждения этого вопроса. Например, военный врач Ф. О. Краузе, служивший старшим врачом на Юго-западном фронте, и его невеста А. И. Доброхотова, работавшая в Морозовской больнице, в письмах друг к другу были единодушны по этому поводу. Им хотелось к слову «Петроград» применить слово «убожество» [Краузе, 2017, с. 43].

На переименование столицы откликнулись и немецкие поселяне-собственники. Например, жителю колонии Карамышевка Саратовской губернии И. Бругу родственник писал, что не знает, кем себя считать: «... формально я считаюсь совершенно русским, но если царь перекрестил Петербург в Петроград, то мое понимание считать себя русским получает уже поражение» [Воронежцев, 2002, с. 81]. Вслед за столицей переименовывались остальные населенные пункты, имевшие немецкие названия. Петроградское губернское присутствие приняло решение вместо слова *колония* писать «село, селение, поселок в зависимости от количества народонаселения данной местности» [ЦГИА СПб, ф. 259, оп. 1, д. 2797, л. 116], чтобы ничто не указывало на население, проживающее в ней.

Усиление антинемецких настроений в российском обществе заставляло немцев «бежать от свободы» [Фромм, 1990]. Изменение фамилии давало им возможность скрыть свою национальную принадлежность: «Настало время, когда нам стало тяжело носить иностранную фамилию и считаться чуть ли не иностранцами... нам трудно окончательно отказаться от своей фамилии» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1906]. Некоторые корреспонденты, комментируя борьбу с лицами, носящими немецкие фамилии, писали, что власти вместо дела «занимались науськиванием» одной части населения на другую [РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1184, л. 85].

Выбор фамилии мог быть произвольным, но зачастую брали девичью фамилию жены. Если меняющий фамилию находился на государственной

службе, то газеты стремились тут же опубликовать разоблачающую информацию. Так произошло с членом Государственного Совета А. Б. Нейдгардтом, которому по Высочайшему соизволению разрешили взять фамилию жены — Талызиной; ротмистром Отдельного корпуса жандармов Б. Келлером, ставшим Лиховским [Перемена ..., 1915б, с. 2; Перемена ..., 1915а, с. 2].

Ф. О. Краузе вообще не понимал, как может измениться отношение коллег к тем, с кем работаешь не один год, только из-за того, что человек носит немецкую фамилию. Он с большим трудом мог допустить, «что к незнакомым людям враждебной нации можно относиться с подозрением», но не к тем, кого хорошо знаешь [Краузе, 2017, с. 27]. Князь С. М. Волконский давал собственное объяснение такому явлению: «Пошло гонение на немецкие фамилии; люди меняли их на русские, даже отчество меняли, отрекались от отца... и в новом созвучии своего имени искали... безопасности» [Волконский, 1992, с. 227].

В ноябре 1914 года властями были определены учреждения и правила приема ходатайств для решившихся изменить фамилию: 1) в Департамент герольдии Правительствующего Сената подавали прошения дворяне и почетные граждане; 2) остальные сословия могли обращаться с такой же просьбой в Канцелярию прошений на Высочайшее имя.

Следует отметить, что периодическая печать принимала активное участие в «обсуждении немецкого вопроса», зачастую разжигая антинемецкие настроения. Общий смысл статей сводился к принижению вклада немецкой культуры в общемировую, выявлению исконной грубости немецкого народа, описанию немецких зверств на войне.

Газетные публикации также являлись одной из тем, обсуждаемых в письмах. А. И. Доброхотова писала о том, что ее охватывает ужас и боль при чтении газет, «не смерть, витающая кругом ... страшна, а озверение человечества». С ней был согласен Ф. О. Краузе отмечавший, что очень часто публиковались «непроверенные, явно ложные известия» о немцах [Краузе, 2017, с. 27—28]. Некоторые авторы предлагали не молчать, а защищаться, посылая письма от российских немцев в газеты, чтобы «высказать испытываемую нами боль вследствие инсинуаций, оскорблений и лживых обвинений в русской печати» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1988].

С осени 1914 года в Государственной Думе началось обсуждение «ликвидационных» законов, которые будут приняты 2 февраля и 13 декабря 1915 года. Газета «Земщина» в связи с этим писала, что их собираются применить к «немцам, хотя бы и русским подданным, но явно чуждым по духу России» [Немцы-землевладельцы ..., 1914, с. 3]. Слух об этом дошел и до немецких колонистов, считавших, что у них «все отнимут... что всех немцев вышлют», и поэтому они чувствовали себя так, словно сидели «на

бочке с порохом» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 53]. В ряде писем отмечалось, что подобная политика не только создаст опасный прецедент для других инородцев, но и будет на руку революционерам [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 999, л. 1821, 1845; д. 1000, л. 1904].

Законопроекты стали предметом обсуждения в многочисленной переписке между людьми разных социальных групп. Представители интеллигенции видели в принятии «этих законов ненужную, недальновидную и вредную жестокость, которая принесет только дурные плоды» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 296]. В одном письме автор сообщал, что некий Оскар (не удалось установить его данных. — *О. Е.*) ездил в Петербург на встречу с депутатами партий и даже общался с лидерами семи фракций (прогрессивные националисты, правые октябристы, левые октябристы, прогрессисты, кадеты, трудовики и социал-демократы). Он увидел, что в Думе царит полная растерянность: никто не знает, как приступить к делу, не знает самого дела и не может разъяснить, кто такой поселянин-собственник. Им был сделан вывод: «Вся Государственная Дума — это, в большинстве, серая, безгласная масса, идущая за своими лидерами» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1047, л. 13].

Ф. Андерега в письме к сыну писал, что немцы, у которых заберут землю на основании разрабатываемых законов, — «...будущие граждане Америки», куда они станут переселяться при первой возможности, потому что их нынешнее отечество очень негостеприимно [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1050, л. 282]. Однако попытки защитить немцев порой не получали одобрения не только со стороны российского общества, но даже политических организаций, членами которых они состояли.

Профессор Московской сельскохозяйственной академии К. Э. Линдемман был товарищем председателя Центрального комитета московского «Союза 17 октября». В октябре и ноябре 1914 года им были опубликованы статьи в поддержку немецких колонистов Российской империи в газетах «Речь», «Русское слово», «Petrograder Zeitung», и за это на него очень рассердились представители комитета октябристов.

20 ноября 1914 года Линдемман написал в Петроград члену Государственной Думы Е. П. Ковалевскому письмо, в котором объяснял свои публикации тем, что действовал в соответствии с взглядами руководителей партии, но главное — хотел убедить власти в несправедливости и необоснованности разрабатываемых мер. При этом Карл Эдуардович выражал надежду на поддержку его кандидатуры однопартийцами на ближайших выборах [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1902].

Вероятно, взвесив все за и против, он принял решение не бороться за пост вице-председателя «Союза 17 Октября». Сын Владимир понимал, ка-

ким тяжелым было это решение для отца, но считал, что «везде, где есть толпа, где вопросы решаются глупым большинством, путем голосования, люди, резко отличающиеся от этого большинства, оказываются, в конце концов, в меньшинстве или даже совсем одинокими <...> наступило полное торжество демократической посредственности» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1000, л. 1908].

Проводя борьбу с «немецким засильем», военные власти предпринимали усилия к тому, чтобы не давать немцам занимать руководящие должности, особенно в общественном управлении. Конечно, не всегда это удавалось осуществить, и случалось, что население большинством голосов могло избрать на выборные должности и немцев [ЦГИА СПб, ф. 258, оп. 23, д. 149, л. 1; оп. 25, д. 404, л. 5].

Из переписки мы узнаем, что в основном их старались вытеснить из земских управ и им приходилось ездить по колониям и селам с агитацией, чтобы на выборах за них проголосовали, хотя они сами сомневались в полезности своих действий. Кроме того, они сокрушались, что сельское хозяйство придет в упадок, потому что из земств убирают агрономов, считая их деятельность бесполезной [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 354в.].

В сентябре 1914 года военными властями было принято решение о выселении в кратчайшие сроки немцев-колонистов старше 15 лет из прифронтовых земель, которые владели в сельских местностях землей или другим недвижимым имуществом, а также безземельных и приписанных к обществам колонистов, даже если они проживали в городах [РГВИА, ф. 1759, оп. 4, д. 1725, л. 42; ф. 2003, оп. 2, д. 991, л. 1]. Под колонистами подразумевали «всех крестьян — русских подданных немецкой национальности» [Нелипович, 1994, с. 54—55].

Эти предложения «борьбы с внутренним немцем» в России поддерживали наиболее реакционно настроенные слои населения, высказывавшие в письмах призывы к их «уничтожению с корнем» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 1039, л. 2127]. Представители же другой стороны писали о вопиющих случаях, когда колонистов высылали этапом и без гроша в кармане. Они подчеркивали главное: их братья и сыновья воюют на фронте, многие убиты или ранены, но «никто даже об этом не задумывается» [РГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1184, л. 129об].

Действительно, не имея денег и теплой одежды, они оказывались заложниками политической ситуации и непродуманности действий властей. Пастору люди писали, что урожай с полей высланных немцев был продан за копейки, хотя они надеялись, что оставшимся удастся выручить больше и прислать деньги им, так как многие выехали без денег [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 164]. Управляющий Астраханской губернией писал, что

прибывшие русские поданные немцы жили в полицейских участках, так как им некуда было идти и есть тоже нечего. Поэтому он их кормил за счет фонда военнопленных и просил выделить деньги на их содержание [ГАРФ, ф. 102, оп. 71, д. 1222, л. 71].

Российские немцы не могли понять, почему их стали причислять к врагам России. Многие из них в письмах обращали внимание на факт принятия ими русского подданства, так как их предки приехали в страну более ста лет назад и принесли присягу до 1880 года. Я. Гартман, проживавший в Екатеринославской губернии, писал в Самарскую губернию своему родственнику: «Когда началась война с Японией... вместе с русскими отстаивали Россию; тогда мы были хороши, а теперь — нас считают врагами» [ГАРФ, ф. 102, оп. 265, д. 999, л. 1801].

3.3. Положение российских немцев-солдат на фронте

Последствия проводимой антинемецкой политики коснулись не только немцев в тылу. Солдаты, находившиеся на фронте с первых дней войны (а некоторые ушли туда добровольцами), испытывали не меньший пресинг со стороны командиров и своих же сослуживцев.

Позиция военных властей также была однозначной в отношении призванных на фронт солдат из немецких колонистов. В начале 1915 года Генеральным штабом было издано распоряжение не направлять на фронт колонистов старше 30 лет и «по возможности не возлагать ответственных обязанностей» на них [РГВИА, ф. 1720, оп. 3, д. 225, л. 11]. Затем принято решение о переводе всех немцев с Западного фронта на Кавказский. Солдаты писали своим родным, что «переводимых конвоируют при усиленной охране, как будто бы они совершили страшное преступление», «многие плакали, ибо вели как арестантов под конвоем», «партиями по 200 человек» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 414, 440].

Но там им тоже были не рады. В письме неизвестного автора из 117 запасного пехотного батальона говорится: батальонный командир в Манглисе встретил их словами «здорово немцы» и заявлением, что, если бы ему дали власть, он всех бы перестрелял [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 55]. При этом в письмах рассказывалось о реальном положении армии и ее готовности к войне: «Говорят народу у нас много, но ввиду того, что ощущается сильный недостаток в вооружении, то вооруженная наша сила слаба» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 322].

Не меньший интерес представляет организация питания в условиях войны. В большинстве корреспонденции отмечалось, что еда была отвратительная или ее почти не было. Так, солдат 259 Самарской пешей дружины М. Рюгер писал жене: «...мы не получаем мясного супа, а питаемся: пшеном, капустой и грибами... на днях нам подали щи с червяками» [ЦГАСО,

ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 272а]. Г. Г. Изаак советовал своему знакомому не выбирать Шварцвальд, когда будет распределение по казармам, потому что «здесь совершенно отучают от еды» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 49].

Как свидетельствует из переписки, чаще всего солдат кормили супами и кашами из чечевицы, фасоли, гороха; в письмах нередко сообщалось об отсутствии мяса и уменьшении выдачи хлеба. Из 723 пехотного полка писали: «На обед варят чечевицу с гнилой рыбой, на ужин то же самое, хлеба дают мало, даже двух фунтов нет» [РГВИА, ф. 2003, оп. 1, д. 1486, л. 296]. Военно-цензурное отделение при просмотре переписки сделало вывод о «хронической склонности деятелей тыла к корыстной наживе» и злоупотреблениях непосредственных начальников солдат [РГВИА, ф. 2144, д. 925, л. 304].

Иногда попадаются письма, в которых авторы вполне довольны жизнью на фронте. К таким можно отнести тех, кто имел возможность использовать свое служебное положение в личных целях. Например, старший унтер-офицер Б. Ротермель писал, что ему живется хорошо, потому что занимается закупкой сена и овса для лошадей [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 250].

Довольно часто встречаются сообщения, что авторы не могут подробно описывать свои условия быта из-за того, что им это запрещается. В случае нарушения цензура могла уведомить полковое начальство об этом, и тогда их ждало 100 ударов розгами.

Чтобы поддержать мужчин, находящихся на фронте, из тыла присылали посылки с самым необходимым не только их семьи, но и благотворительные общества. Д. К. Миллер, солдат 2 роты 612 Акмолинской дружины, отмечал, что русские получали каждый брюки, рубаху, мыло, табак, полотенце, платок, пряники и многое другое. Им же отдавали соль, пшено, горох, крупы и пакет с конфетами, единственное, что можно было есть, остальное же все пришлось выкидывать. Своей жене он советовал: «Ничего не жертвуй на войну, потому что не пойдёт по назначению, все продается и пропивается» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 355—355 об].

В письмах солдат содержались просьбы присылать им посылки, потому что русские однополчане получали их из дома, а у них как будто нет родителей или родственников. При этом перечисляли вещи, которые были им необходимы: теплые рубахи, кальсоны, брюки, бумагу и конверты. Но были и личные просьбы. Например, А. Я. Беккер просил родителей передать его фотографию барышне А. А. Таль, с которой познакомился, еще находясь в Санкт-Петербурге [ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, д. 16822, л. 18, 20]. Однако встретиться им не пришлось, потому что на следующий день после отправления письма родителям он погиб. Об этом в открытом письме сообщили из части.

Российские немцы в переписке с родными жаловались и на издевательства, которые они вынуждены были терпеть в армии. Они выражали желание обратиться за помощью к пасторам и общественным организациям. «Если мы, — писал Г. И. Вейман, — не достойны русского оружия или звания русского солдата, то пусть нас отпускают по домам» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2054, л. 474].

Авторы корреспонденции подозревали, что их письма подвергаются перлюстрации, но были уверены, что если их писать на иностранном языке, то перлюстратор или цензор не сможет прочесть текст из-за незнания немецкого языка. Например, А. Цитц объяснял О. И. Триппель, почему пишет на немецком языке: «... здесь все письма вскрываются и читаются. Поэтому вы пишете так же <...> Немецкое они ведь не так читать будут» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 261]. В одном из писем брат даже давал совет сестре: «... будешь мне писать, и пожелаешь написать что-нибудь запрещенное, то пиши на ниже-немецком наречии, это проходит, это они не понимают» [РГВИА, ф. 13842, оп. 1, д. 7, л. 147—148].

Несмотря на то, что в стране уже было запрещено пользоваться немецким языком, немцам важно было его сохранить. Они не только сами продолжали на нем говорить, но и хотели, чтобы жены и дети его изучали и не забывали. Например, Ф. Краузе на протяжении 1914—1915 годов неоднократно спрашивал свою жену про успехи изучения языка, поясняя, почему ему это важно: «Вот когда ты научишься немецкому языку, мы с тобой много будем читать вместе, и ты тогда конкретно убедишься, что не гнилая, не варварская нация создала эту литературу, эту философию, эту музыку и эту науку» [Краузе, 2017, с. 20, 119].

Военно-цензурное отделение при Северном фронте отмечало, что после запрета писать на немецком языке переписываться стали на других иностранных языках, и «даже на древних, но только не на русском» [РГВИА, ф. 2031, оп. 4, д. 321, л. 14]. Кроме того, цензоры понимали, что солдаты догадывались о цензуре и искали способа ее избежать. В одном из сводных отчетов сообщалось: «Сравнительная бесцветность корреспонденции отчасти объясняется наличием цензуры, и наиболее верно отражающая истинный характер настроения переписка происходит помимо цензуры» [Солдатские письма ..., 1927, с. 7].

Начальники почтово-телеграфных контор отмечали, что отправители договаривались с прислугой в поезде, проезжающими частными лицами или своими сослуживцами, которые выезжали по какой-то необходимости или в отпуск за пределы театра военных действий, о том, чтобы они опустили письма в любом населенном пункте, находящемся за пределами фронтовых действий [РГВИА, ф. 2144, оп. 1, д. 925, л. 26]. Подтверждением этих слов может служить письмо вольноопределяющегося из 75-го

маршевого батальона, писавшего из Брянска в Вольск Саратовской губернии: «Здесь ужасная дисциплина, над солдатами издеваются ужасно, бьют никого не щадя. Кадры все звери, нам-то еще ничего — хорошо, но жалко солдат... Так как такое письмо послать из роты нельзя, то посылаю его с почты с знакомым денщиком» [Воронежцев, 2006, с. 23].

Из-за цензуры корреспонденция могла не дойти до адресата. И тогда в письмах от родных встречались упреки на редко получаемые письма или отсутствие ответов со стороны служащих. В таком случае солдаты ответили бы так, как сделал это А. Беккер: «... приблизительно сосчитайте, сколько Вы ... прислали писем. Я на каждое письмо отвечаю, да и окромя этого еще пишу особенно» [ЦГИА СПб, ф. 254, оп. 1, д. 16822, л. 170б].

Перевод изъятого письма или его части сопровождался сведениями об отправителе и получателе. Это дает нам возможность установить возраст, место жительства, социальную принадлежность и сферу профессиональной деятельности корреспондентов. Например, в донесении унтер-офицера жандармского управления содержались сведения об отправителе письма в действующую армию Николае Ивановиче Ротэрмеле, которому было 65 лет. Имел шестерых детей: четверо находились в армии (Павел — врач, Иван и Николай — прапорщики, Федор — доброволец), Александр был пастором в с. Раузенгейн, а Валентин учился в Петроградском университете и являлся членом студенческой немецкой корпорации «Необалтия».

Н. И. Ротэрмель был поселянином-собственником с. Орловского Самарской губернии и владел механическим заводом для производства сельскохозяйственных орудий. Сделал много пожертвований на нужды армии и помогал бедному населению. На собственные средства построил школу для глухонемых детей. Ранее состоял членом III Государственной Думы [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2053, л. 31—32, 77].

Немцы, выехавшие в конце XIX — начале XX веков в Северную Америку, были обеспокоены тем, что происходило в России. В письмах интересовались: «...как вам живется в настоящее время в России...не притесняют ли вас русские» [ЦГАСО, ф. 468, оп. 1, д. 2052, л. 255]. Некоторые радовались тому, что смогли вовремя уехать из страны и война их не затронула.

Авторы писем были не чужды философии, обобщений, наблюдений. Российские немцы задумывались о том, как сильно изменилось представление о немцах. Раньше это был булочник, который по утрам открывал свой «васисдас» и был олицетворением мещанской добродетели — аккуратности, порядочности и самодовольной ограниченности. Теперь же это суровый человек, без колебаний идущий к намеченной цели, «безжалостный и неумолимый железный человек... человек с гипертрофией воли и рассудка и атрофией чувств» [Краузе, 2017, с. 216].

4. Заключение = Conclusions

В условиях Первой мировой войны у российских властей возникала необходимость знать о настроениях в армии и тылу. Сделать это можно было с помощью перлюстрации и военной цензуры. Тем более что принятое в 1914 году «Временное положение о военной цензуре» легализовало такую возможность. За время войны в ходе просмотра корреспонденции были сделаны многочисленные выписки и конфискованы нежелательные по содержанию письма.

Для нас особую ценность представляет корреспонденция российских немцев, писавших родным, друзьям и просто знакомым. Тематика переписки была самая разнообразная. Авторы писем не подозревали о том, что переписка цензурируется, и сообщали родным о своих чувствах, переживаниях, восприятии событий и политических мер, проводимых властями. Они не понимали, зачем переименовывать населенные пункты или переселять немцев в другие губернии, не обеспечив минимальные условия проживания. Им тяжело было слышать обвинения в свой адрес, так как в действительности они были лояльными российскому государству.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. *Асташов А. А.* Корреспонденция фронтовая / А. А. Асташов // Россия в Первой мировой войне. 1914—1918 : Энциклопедия : в 3 т. К-П. — Москва : РОССПЭН, 2014. — Т. 2. — С. 119—122. — ISBN 978-5-8243-1886-9.
2. *Военно-статистический* ежегодник армии за 1912 г. — Санкт-Петербург : Военная Типография Императрицы Екатерины Великой, 1914. — 519 с.
3. *Волконский С. М.* Мои воспоминания / С. М. Волконский. — Москва : Искусство, 1992. — 383 с. — ISBN 5-210-02336-2.
4. *Временное положение* о военной цензуре. — Петроград : [б. и.], 1914. — 15 с.
5. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. 102, Департамент полиции Министерства внутренних дел. Оп. 71. Д. 1222 ; Оп. 265. Д. 999, 1000, 1039, 1042, 1047, 1050 ; Ф. 1467, Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц. Оп. 1. Д. 1001.
6. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорускаго языка / В. И. Даль. В 4 ч. — Москва : Типография Лазаревского института восточных языков, 1865. — Ч. 3. — 508 с.
7. *Е. К.* Русскому народу — русская столица // *Земщина* : [газета]. — 1914. — 22 августа. — С. 3.
8. *Козлов М. А.* Цензура военная / М. А. Козлов // Советская военная энциклопедия. — 1980. — Т. 8. — С. 407—408.
9. *Копыткин С.* Петроград / С. Копыткин // *Петербургский листок* : [газета]. — 1914. — 21 августа. — С. 1.

10. Краузе Ф. Письма с Первой мировой войны (1914—1917 гг.) / Ф. Краузе. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2017. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-0168-5.
11. Майский С. «Черный кабинет» : Из воспоминаний бывшего цензора / С. Майский. — Петроград : Былое, 1922. — 23 с.
12. Немцы-землевладельцы // Земщина : [газета]. — 1914. — 14 октября.
13. Об именовании впрядь города С.-Петербурга — Петроградом // Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. — 1914. — № 234. — Ст. 2284.
14. Перемена ..., 2015а — *Перемена* фамилий // Земщина : [газета]. — 1915. — 1 декабря. — С. 2.
15. Перемена ..., 2015б — *Перемена* фамилий // Утро России : [газета]. — 1915. — 4 июля. — С. 2.
16. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 821, Департамент духовных дел иностранных исповеданий МВД. Оп. 133. Д. 1062 ; Ф. 1276, Совет министров. Оп. 11. Д. 736.
17. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический архив. Ф. 1720, Штаб Казанского военного округа. Оп. 3. Д. 225 ; Ф. 1759, Штаб Киевского военного округа. Оп. 4. Д. 1725 ; Ф. 2003, Штаб Верховного главнокомандующего (Ставка). Оп. 1. Д. 1468 ; Оп. 2. Д. 991 ; Ф. 2005, Военно-политическое и гражданское управление при верховном главнокомандующем. Оп. 1. Д. 28. Л. 3 ; Ф. 2031, Штаб главнокомандующего армиями Северного фронта. Оп. 1. Д. 1184 ; Ф. 2144, Штаб 10-й армии. Оп. 1. Д. 925. Л. 4 ; Ф. 13842, Самарский военно-цензурный пункт. Оп. 1. Д. 7.
18. *Солдатские* письма 1917 года. — Москва, Ленинград : [б. и.], 1927. — 165 с.
19. *Столица* Петроград // Петербургский листок : [газета]. — 1914. — 20 августа. — С. 2.
20. ЦГАСО — *Центральный* государственный архив Самарской области. Ф. 468, Самарское губернское жандармское управление. Оп. 1. Д. 2052, 2053, 2054.
21. ЦГИА СПб — *Центральный* государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 254, Петроградское губернское жандармское правление. Оп. 1. Д. 16822 ; Ф. 258, Петроградское губернское присутствие. Оп. 23. Д. 149 ; Оп. 25. Д. 404 ; Ф. 259, Петроградское губернское по земским и городским делам присутствие. Оп. 1. Д. 2797.
22. *Чехов А. П.* Новейший письмовник / А. П. Чехов — В книге : Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 томах / А. П. Чехов. — Москва : Наука, 1975. — Т. 3. — С. 124—126.

Литература

1. Агасиев И. К. особенности осуществления «ликвидационных законов» в немецких колониях Вольни и Азербайджана (сравнительный анализ) / И. К. Агасиев // *Российские немцы в инонациональном окружении : проблемы адаптации, взаимовлияния, толерантности. Материалы международной научной конференции : Саратов, 14—19 сентября 2004 г.* — Москва : МСНК-пресс, 2005. — С. 246—260. — ISBN 5-98355-022-5.
2. Белобородова А. А. Защита государственной тайны в Российской империи / А. А. Белобородова // *Военно-исторический журнал.* — 2010. — № 7. — С. 16—20.
3. Белькова Г. И. Петроград — главный центр цензуры в годы Первой мировой войны / Г. И. Белькова // *Культура. Наука. Образование.* — 2016. — № 2 (39). — С. 133—137.
4. Воронезцев А. В. Из истории военной цензуры в период первой мировой войны (по материалам Саратовской губернии) / А. В. Воронезцев // *Проблемы истории*

Саратовского края и документальное наследие : материалы научных конференций Саратовского областного отделения РОИА. — Саратов : Архитектор-С, 2006. — С. 18—29.

5. *Воронежцев А. В.* Немецкие колонисты в Поволжье в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) / А. В. Воронежцев // Немцы России : социально-экономическое и духовное развитие (1871—1941 гг.) : материалы 8-й международной научной конференции, Москва, 13—16 октября 2001 г. — Москва : МДЦ Холдинг, 2002. — С. 71—94. — ISBN 5-94586-010-7.

6. *Заварзин П. П.* Работа Тайной полиции / П. П. Заварзин. — Париж : Тип. Франко-русская печать, 1924. — 174 с.

7. *Измозик В. С.* «Черные кабинеты». История российской перлюстрации. XVIII — начало XX вв. / В. С. Измозик. — Москва : НЛО, 2015. — 696 с. — ISBN 978-5-4448-1936-4.

8. *Морозова Н. В.* Немецкий вопрос и центральная периодическая печать России (июль 1914 — февраль 1917 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Морозова. — Волгоград, 2010. — 279 с.

9. *Нелипович С. Г.* В поисках «внутреннего врага»: депортационная политика России (1914—1917) / С. Г. Нелипович // Первая мировая война и участие в ней России. 1914—1918 : Сб. материалов. — Москва : ГПИБ, 1994. — Ч. 1. — С. 54—64.

10. *Нелипович С. Г.* Генерал от инфантерии Н. Н. Янушкевич : «немецкую пакость уволить и без нежностей...»: депортация в России 1914—1918 гг. / С. Г. Нелипович // Военно-исторический журнал. — 1997. — № 1. — С. 42—51.

11. *Пархоменко Т. А.* Первая мировая война и интеллигенция России / Т. А. Пархоменко // Культурологический журнал. — 2015. — № 1 (19). — С. 1—15.

12. *Перегудова З. И.* Политический сыск России (1880—1917 гг.) / З. И. Перегудова. — Москва : Российская политическая энциклопедия, 2000. — 432 с. — ISBN 5-8243-0063-1.

13. *Плохотнюк Т. Н.* Действие «ликвидационных законов» на Северном Кавказе в 1915—1917 гг. / Т. Н. Плохотнюк // Немцы России в контексте отечественной истории : общие проблемы и региональные особенности : Материалы международной научной конференции, Москва, 17—20 сентября 1998 г. — Москва : Готика, 1999. — С. 223—237. — ISBN 5-7834-0037-8.

14. *Савинова Н. В.* Российский национализм и немецкие погромы в России в годы первой мировой войны : 1914—1917 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Савинова. — Санкт-Петербург, 2008. — 249 с.

15. *Фромм Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — Москва : Прогресс, 1990. — 269 с. — ISBN 5-01-001914-0.

16. *Чукарев А. Г.* Тайная полиция России : 1825—1855 гг. / А. Г. Чукарев. — Москва ; Жуковский : Кучково поле, 2005. — 704 с. — ISBN 5-86090-120-8.

17. *Шайдуров В. Н.* Власть и ссыльные поляки в Сибири XIX в. (по материалам эпистолярных источников) / В. Н. Шайдуров, Т. А. Новгородский // Журнал фронтирных исследований. — 2022. — Т. 7. — № 1 (25). — С. 294—311. — DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.380>.

18. *Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого засилья в России в годы Первой мировой войны : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / А. Н. Шубина. — Москва, 2012. — 346 с.

*Статья поступила в редакцию 18.04.2024,
одобрена после рецензирования 07.06.2024,
подготовлена к публикации 16.06.2024.*

Material resources

- Astashov, A. A. (2014). Front-line correspondence. In: *Russia in the First World War. 1914—1918: Encyclopedia: in 3 volumes*, 2. Moscow: ROSSPEN. 119—122. ISBN 978-5-8243-1886-9. (In Russ.).
- Peremena ..., 2015a — Change of surnames. (1915). *Zemshchyna: [newspaper]. December 1*. P. 2. (In Russ.).
- Peremena ..., 2015b — Change of surnames. (1915). *Morning of Russia: [newspaper]. July 4*. P. 2. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1975). The newest letter writer. In: Chekhov, A. P. *Complete works and letters: In 30 volumes*, 3. Moscow: Nauka. 124—126. (In Russ.).
- Dal, V. I. (1865). *Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language*, 3. At 4 a.m. Moscow: Printing house of the Lazarev Institute of Oriental Languages. 508 p. (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).
- Kopytkin, S. (1914). *Petrograd. Petersburg leaflet: [newspaper]. August 21*. P. 1. (In Russ.).
- Kozlov, M. A. (1980). Military censorship. *Soviet Military Encyclopedia*, 8: 407—408. (In Russ.).
- Krause, F. (2017). *Letters from the First World War (1914—1917)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 544 p. ISBN 978-5-4469-0168-5. (In Russ.).
- Maysky, S. (1922). *“Black cabinet”: From the memoirs of a former censor*. Petrograd: Bygone. 23 p. (In Russ.).
- Military Statistical Yearbook of the Army for 1912*. (1914). St. Petersburg: Military Printing House of Empress Catherine the Great. 519 p. (In Russ.).
- On henceforth naming the city of St. Petersburg as Petrograd. (1914). *Collection of legalizations and orders of the government, issued under the Governing Senate*, 234: St. 2284. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).
- RGVIA — *Russian State Military Historical Archive*. (In Russ.).
- Russian people — The Russian capital. (1914). *Zemshchyna: [newspaper]. August 22*. P. 3. (In Russ.).
- Soldier's letters of 1917*. (1927). Moscow, Leningrad: [b. i.]. 165 p. (In Russ.).
- Stolitsa Petrograd. (1914). *St. Petersburg leaflet: [newspaper]. August 20*. P. 2. (In Russ.).
- Temporary regulation on military censorship*. (1914). Petrograd: [b. i.]. 15 p. (In Russ.).
- The Germans are landowners. (1914). *Zemshchyna: [newspaper]. October 14th*. (In Russ.).
- TsGASO — *Central State Archive of the Samara region*. (In Russ.).
- TsGIA SPb — *Central State Historical Archive of St. Petersburg*. (In Russ.).
- Volkonsky, S. M. (1992). *My memories*. Moscow: Iskusstvo. 383 p. ISBN 5-210-02336-2. (In Russ.).

References

- Agasiev, I. K. (2005). Features of the implementation of “liquidation laws” in the German colonies of Volhynia and Azerbaijan (comparative analysis). In: *Russian Germans in a foreign environment: problems of adaptation, mutual influence, tolerance. Proceedings of the international scientific conference: Saratov, September 14—19, 2004*. Moscow: MSNK-press. 246—260. ISBN 5-98355-022-5. (In Russ.).
- Belkova, G. I. (2016). Petrograd — the main center of censorship during the First World War. *Culture. Science. Education*, 2 (39): 133—137. (In Russ.).
- Beloborodova, A. A. (2010). Protection of state secrets in the Russian Empire. *Military Historical Journal*, 7: 16—20. (In Russ.).

- Chukarev, A. G. (2005). *The Secret Police of Russia: 1825—1855*. Moscow: Zhukovsky: Kuchkovo field. 704 p. ISBN 5-86090-120-8. (In Russ.).
- Fromm, E. (1990). *Escape from freedom*. Moscow: Progress. 269 p. ISBN 5-01-001914-0. (In Russ.).
- Izmozik, V. S. (2015). “Black cabinets”. *The history of Russian perustration. XVIII — early XX centuries*. Moscow: NLO. 696 p. ISBN 978-5-4448-1936-4. (In Russ.).
- Morozova, N. V. (2010). *The German question and the Central Periodical Press of Russia (July 1914 — February 1917)*. PhD Diss. Volgograd. 279 p. (In Russ.).
- Nelipovich, S. G. (1994). In search of the “inner enemy”: the deportation policy of Russia (1914—1917). In: *The First World War and Russia's participation in it. 1914—1918: Collection of materials, I*. Moscow: GPIB. 54—64. (In Russ.).
- Nelipovich, S. G. (1997). General of Infantry N. N. Yanushkevich: “to dismiss German filth without tenderness...”: deportation in Russia 1914—1918. *Military Historical Journal, 1*: 42—51. (In Russ.).
- Parkhomenko, T. A. (2015). The First World War and the intelligentsia of Russia. *Cultural Journal, 1 (19)*: 1—15. (In Russ.).
- Peregudova, Z. I. (2000). *Political investigation of Russia (1880—1917)*. Moscow: Russian Political Encyclopedia. 432 p. ISBN 5-8243-0063-1. (In Russ.).
- Plokhotnyuk, T.N. (1999). The effect of “liquidation laws” in the North Caucasus in 1915—1917. In: *Germans of Russia in the context of national history: general problems and regional peculiarities: Proceedings of the international scientific conference, Moscow, September 17—20, 1998*. Moscow: Gothic. 223—237. ISBN 5-7834-0037-8. (In Russ.).
- Savinova, N. V. (2008). *Russian nationalism and German pogroms in Russia during the First World War: 1914—1917*. PhD Diss. St. Petersburg. 249 p. (In Russ.).
- Shaidurov, V. N., Novogrodsky, T. A. (2022). Power and exiled Poles in Siberia of the XIX century (based on epistolary sources). *Journal of Frontier Studies, 7 / 1 (25)*: 294—311. DOI: <https://doi.org/10.46539/jfs.v7i1.380>. (In Russ.).
- Shubina, A. N. (2012). *The attitude of government and society to the problem of the so-called dominance in Russia during the First World War*. PhD Diss. Moscow. 346 p. (In Russ.).
- Voronezhstsev, A. V. (2002). German colonists in the Volga region during the First World War (based on the materials of the Saratov and Samara provinces). In: *Germans of Russia: socio-economic and spiritual development (1871—1941). Materials of the 8th International scientific conference*. Moscow, October 13—16, 2001. Moscow: MDC Holding. 71—94. ISBN 5-94586-010-7. (In Russ.).
- Voronezhstsev, A. V. (2006). From the history of military censorship during the First World War (based on the materials of the Saratov province). In: *Problems of the history of the Saratov Region and documentary heritage. Materials of scientific conferences of the Saratov regional branch of the ROIA*. Saratov: Architect-S. 18—29. (In Russ.).
- Zavarzin, P. P. (1924). *The work of the Secret Police*. Paris: Type. Franco-Russian press. 174 p. (In Russ.).

*The article was submitted 18.04.2024;
approved after reviewing 07.06.2024;
accepted for publication 16.06.2024.*